

На сайте «Русская народная линия» я опубликовал ряд заметок о некоторых прочитанных мною книгах. Первоначально я делал записи для своего дневника, но затем их обработал в отдельные самостоятельные тексты.

Всякая хорошая книга побуждает задуматься о прошлом и будущем, о том, что с нами произошло и происходит. Думал об этом и я, когда размышлял над фактами такой непростой русской истории. Впрочем — у какой страны она простая.

Как оказалось, к заметкам проявили интерес подписчики сайта. Тогда я решил познакомить с этими текстами и читателей журнала «Вертикаль. XXI век».

В.С.

О ВРЕМЕНАХ «НИЗВЕРЖЕННОГО ЗАКОНА»

Из прочитанного

ИДЕИ МАРКСА И БОЛЬШАЯ КРОВЬ В РОССИИ

Пишу эти заметки, после очередного разговора (да что там — жаркого спора) с представителями так называемого «русского дворянства». Стало невозможно слушать высокомерные высказывания, что существовала ранее и существует сейчас, как продолжение той, высококультурная и талантливая дворянская литература, и есть литература «быдла», представителями которой стали выходцы из народа в послереволюционный период.

Вторые полностью разрушили русскую культуру.

Утверждалось это не в полемическом задоре, а спокойно, осознанно, с глубокой верой в непоколебимую справедливость своих высказываний.

Попробую тоже спокойно ответить своим оппонентам, приведя, как обычно, примеры из мемуарной литературы.

Начну несколько издаleка.

Благодаря чему идеи марксизма появились в России. Кто стал их популяризатором, «проводником в жизнь»?

Но сначала несколько штрихов к портрету самого Маркса.

Из воспоминаний Вильгельма Либкнехта о Карле Марксе (читаю первый том из двухкнижья, выпущенного в 1983 г. в Москве — «Издательство политическая литература»):

«Лишённый всякого тщеславия, Маркс не придавал значения мнению толпы. Она была для него не умеющей самостоятельно мыслить...»

«Он не годился быть в дипломаты, хотя и был им, скорее, потому, что был великим политиком. Крупнейшее сообщество в мире — Северо-Американские Соединённые Штаты не имеет дипломатов, а варварская Россия располагает лучшими дипломатами».

«Он работал всегда, когда только представлялась малейшая возможность. Даже на прогулки он брал с собой свою записную книжку и по минутно делал в ней пометки».

«Несколько квадратных метров гравия и травы, покрытых таким густым слоем лондонского «чёрного снега», то есть хлопьями копоты, что невозможно отличить, где начинается гравий и кончается трава, — вот что такое Лондонский сад».

Воспоминания Фридриха Лесснера (из того же тома):

«В начале октября 1868 г. Маркс с большой радостью сообщил мне, что первый том «Капитала» переведён на русский язык и уже печатается в Петербурге. Он придавал огромное значение тогдашнему движению в России и с большим уважением говорил о людях, которые приносят там такие большие жертвы ради изучения и распространения теоретических сочинений... Когда готовый экземпляр «Капитала» на русском языке дошёл до него из Петербурга, то это событие как важное знамение времени превратилось для Маркса, его семьи и его друзей в настоящее торжество».

Обращаю внимание тех, кто не очень в ладах с историческими датами: первое издание «Капитала» в переводе Лопатина в России вышло в 1868 год! Факт этот широко известен, но для нынешних «представителей дворянства» возможно прозвучит, как новинка.

О распространении учения Маркса в России упоминает в своих воспоминаниях о Н.К. Михайловском В.В. Вересаев.

Но и тут я особенно обращаю внимание вот на какой «бытовой» эпизод, свидетелем которого стал писатель в 1885 году на праздновании дня рождения Николая Константиновича.

Много лет редактором (как объясняется в тексте — лишь названным, а не работающим) в журнале «Русское богатство» числился некто доктор С.И. Попов. Главными редакторами, действительно возглавляющими издание, являлись Михайловский и Короленко.

Попов жил где-то на юге, и в столице показывался лишь изредка. В этот раз его визит совпал с днём рождения Николая Константиновича. Гости собрались в квартире писателя. И вот этот «редактор» тоже надумал произнести речь, полную патриотического пафоса. А закончил её предложением осушить бокалы «за державного руководителя Государя Императора» и спеть «Боже, Царя храни!»

Далее цитирую Викентия Викентьевича Вересаева:

«Как будто бомба разорвалась в комнате. Все шаррахнулись в стороны».

Напомню, в квартире собрался «весь левый литературный и общественный Петербург». Михайловский отвёл свой бокал от «редакторского» и произнёс своё слово — обличающее самодержавие. От доктора Попова все с презрением отвернулись.

Напомню — журнал «Русское богатство» был популярным в России многие годы и выступил таким либеральным прологом будущего самого либерального в СССР журнала «Новый мир».

Уж, кажется, сколько примеров подобного рода я выписывал в своей книге «Путешествие за звёздами». И всё лишь для того, чтобы в споре с частью современных патриотов доказывать — крушение исконной России началось не с приходом к власти большевиков, а намного раньше. Основы её идеологически (и финансово) подтачивало самое образованное «дворянское» общество великой державы.

Появление на политической сцене партии Ленина — закономерный итог происходивших в стране социально-политических процессов, двигателем которого были выходцы из аристократии.

То, что нынешние самоназванные представители этого класса всё сваливают на не весть откуда взявшихся большевиков — откровенное лукавство.

Тут два момента: либо они сознательно отводят ответственность от того бывшего класса, к которому сейчас себя причисляют; либо это происходит от их малой образованности и начитанности.

Не понимать этого, по крайней мере, недалековидно для нашего будущего. Вновь наступим на те же грабли.

И вновь будем кого-то в этом недоразумении винить с полным убеждением, что обличительный пафос — единственно правильный и справедливый.

Ничего из учения Маркса русский мужик не знал.

К бунту его влада одна воля — захватить землю. Как же жестоко за это пришлось потом расплачиваться! Всем!

Бывшие «образованные» пошли в швейцары, таксисты, циркачи... Да кем они только не работали ради пропитания. Либеральная Европа не очень-то им помогла.

Русские крестьяне заплатили за то, что поддались искушению, страшной кровью, разорением, полной потерей земли, которую полили своим потом многие поколения их предков.

Но вернусь к личности Карла Маркса. Как сложилась его жизнь?

Марксизм — материалистическое учение. Однако в воспоминаниях о материализме упоминается только вскользь (в противном случае я бы и читать их не смог), зато несколько раз акцентируется внимание, как много своих детей похоронил Карл Маркс — и младенцев, и повзрослевших, и любимого внука, и взрослую дочь (оставившую наследников) и любимую жену...

«Несколько детей умерло; оба сына, которые были у Маркса, умерли: один, родившийся в Лондоне, умер очень рано, другой, родившийся в Брюсселе, — после долгого хронического заболевания. Смерть его страшно потрясла Маркса».

«Сестрѐнка Франциска, родившаяся в 1851 г., умерла ещё младенцем, не достигнув и года».

При этом автор воспоминаний утверждает:

«...Маркс чрезвычайно любил детей. Он был не только нежнейшим отцом, который мог часами играть со своими детьми, как ребёнок, — его притягивали, как магнит, и чужие дети, встречавшиеся на его пути, в особенности беспомощные и страдающие от нищеты».

И мне подумалось вот о чём.

Неужели после всех потерь (любимых, родных, близких) сердце старого еврея осталось холодным к вере?

Трудно в это поверить. Потому что душа, кроме как в Боге, не может найти утешения.

Мне почему-то кажется — Маркс отошёл в мир иной с веры в душе.

А коммунистические его идеи большой кровью аукнулись в России.

И те самые русские мужики, что мечтали о лучшей земельной доле, принесли богатую дань жизнями многих своих детей.

МАТЕРИАЛИЗМ СТАЛ СВОЕГО РОДА ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ РЕЛИГИЕЙ ОБРАЗОВАННОГО КЛАССА

Много раз мне приходилось дискутировать на тему, что февральская революция 1917, которая и свергла русского Государя с трона, не была внезапной и подготовленной горсткой людей, непонятно откуда взяв-

пихся. Это закономерный итог долгого процесса, в котором принимали участие образованные слои общества, отпрыски русского дворянства, о чём сейчас принято как-то неловко умалчивать. А зря. Мне кажется, об этом стоит говорить больше и открыто. В своих книгах я приводил немало тому исторических примеров. Вот ещё один.

Взялся за чтение «Подпольной России» Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского (долгие годы откладывал, но и эту часть русской истории надо знать, как бы она нам не была неприятна).

Напомню: впервые книга появилась на итальянском языке в Милане в 1882 году. Как отмечается в предисловии, «обошла всю Европу, была издана в Англии, Франции, Германии».

Во все времена антирусско-государственные книги в Европе восторженно приветствовались. Так и в этом сугубо политическом труде всё начинается с религиозной темы. Автор утверждает:

«Материализм стал своего рода господствующей религией образованного класса, и едва ли нужно говорить о том значении, которое освобождение от всяких религиозных предрассудков имело для всего дальнейшего развития революционного движения».

Ну хорошо, для революционного возбуждения масс это значение имело. Но как быть с бабочкой, как объяснить её появление на свет, её красоту и значение для природы? В конечном счёте, её значение для существования самого человека?

Всё существование человечества будто бы имеет в своей сути осмысление этой загадке.

Степняк-Кравчинский пишет о новой вере для образованного класса России — атеизме.

«Характерно то, что зараза распространилась даже на людей зрелых, с обеспеченным положением, на приобретение которого они затратили свои лучшие молодые силы, — судей, врачей, офицеров; и такие были не из наименее преданных делу. Движение это едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаюсь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений».

Итак, всё кипит, всё изменяется, одно свергается, другое воздвигается... А тем временем никем не объяснимое чудо — бабочка Махаон — пролетает, трепеща крыльями, с одного красного цветка на другой, и мы зачарованно следим за её движением, не в силах оторвать взгляда от этого простого повседневного чуда, сотворённого вопреки желанию человека.

Но почему я взялся за чтение «Подпольной России» именно сейчас?

В предисловии к роману «Овод» рассказывается о сподвижнической работе Э.А. Войнич с организатором «Общества друзей русской свободы» («Для привлечения общественного мнения Англии на сторону русской освободительной борьбы») ежемесячного журнала «Свободная Россия», начавшего выходить в Лондоне «с середины 1890 года» — Сергеем Михайловичем Кравчинским (псевдоним «Степняк»).

Безусловно, С.М. Степняк-Кравчинский был талантливым литератором. Язык его лёгок, образен — что было свойственно русскому образованному сословию XIX века. Нарисованные им портреты русских революционеров-социалистов-террористов зримы, как и городские пейзажи, как и воспроизведённые картины всевозможных происшествий, убийств, побегов...

Что ни говори, но именно самое обеспеченное, знатное из молодёжи вставало на путь борьбы с русским укладом жизни. В этом и крылось предвестие будущих страшных испытаний для империи. Написанные Сергеем Михайловичем очерки о Якове Стефановиче, Дмитрие Кименце, Петре Кропоткине (принадлежал «...к высшей русской аристократии. Фамилия князей Кропоткиных одна из немногих, происходящих по прямой линии от Рюриковичей...»), Дмитрие Лизогубе («...был миллионер,

владелец громадного имения, состоявшего из усадьбы, земель, лесов, в одной из лучших губерний России), Вере Засулич («...под этой простой, мало поэтической внешностью скрывается душа, полная высочайшей поэзии, глубокая и могучая, богатая любовью и негодованием»), Софье Перовской («...происходила из высшей аристократии... отец долго занимал пост петербургского генерал-губернатора...») тому подтверждение.

Это удивительно. Удивительна та патологическая ненависть к власти в России, то уничижительное отношение к вере своих предков, самому государству (текст пестрит замечаниями типа: «...её детство между отцом, деспотом и самодуром, какие встречаются ещё только в России...» — о Софье Перовской; «На одной из окраин первопрестольной русской столицы, там, где этот полуазиатский город...»).

Ничего не напоминает из XXI века? особенно, если учесть, что на все эти вопросы в талантливо написанной, с точки зрения литературного труда, книге Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» нет прямого, вполне понятного, разумного и однозначного ответа. За всеми общими рассуждениями о теории, благе для всех, социализме виднеется почти неприкрытая пустота.

Кровавая ненависть к собственному государству (а никакому другому государству они и не нужны) отечественной образованной интеллигенции — по-настоящему неразгаданная многовековая тайна.

Но продолжу читать книгу. Вот, например, рассказ о готовящемся покушении на Александра II (глава «Московский подкоп» в разделе «Очерки из жизни революционеров»). В нём отмечено всё — сколько мест готовилось к взрыву, сколько на это потрачено денег, как героически трудились копатели, не имея надлежащих инструментов и оборудования. Да вот обширная цитата из этого очерка:

«Железная дорога на пути следования царя была минирована в трех пунктах — около Москвы, Александровска и около Одессы. Предполагалось, что царю на этот раз не ускользнуть. Однако он ускользнул благодаря стечению непредвиденных случайностей. Оба одесские подкопа — один под железной дорогой, другой в самом городе, на Итальянской улице, по которой царь должен был ехать в экипаже, пришлось бросить, так как он в Одессу вовсе не поехал. Около Александровска, где покушение было организовано под руководством Желябова и Окладского, взрыв не последовал вследствие каких-то недостатков в системе запалов. Хотя цепь была сомкнута в надлежащий момент, императорский поезд прошел благополучно над пропастью, на дно которой он неминуемо должен был скатиться при малейшем толчке. Два других покушения также потерпели неудачу... Только в Москве удалось по крайней мере совершить покушение, хотя, казалось, здесь было всего меньше вероятности что-нибудь сделать... Вся колоссальная работа по прорытию московского подкопа вместе с двумя другими железнодорожными покушениями, подготовлявшимися к тому же ноябрю, обошлась всего от 30000 до 40000 рублей, включая сюда и разъезды... Пришлось купить пять лошадей, телегу, оружие; нужно было содержать множество людей в Петербурге, Москве, Курске и Харькове, чтоб следить за движениями полиции. Тем не менее, это предприятие, на основании точнейших отчетов, доставленных организациями лицами, которым оно было поручено, обошлось в 4500 рублей с чем-то».

Видите, как подробно повествуется о подготовке убийства. Не объясняется только одного: какова главная, перспективная цель готовящегося злодеяния, во время которого должны пострадать, даже с точки зрения террористов, ни в чём неповинные люди — ведь не один только государь находился в этом поезде.

Но интересна реакция на предстоящий взрыв русского общества. По словам автора «...все студенты, адвокаты, литераторы, за исключением состоящих на откупу у полиции, знали, что царский поезд взлетит на воздух (со всеми находящимися в нём людьми — В.С.) во время следования

из Крыма в Петербург. Об этом разговаривали, как говорится, повсюду. В Одессе один довольно известный литератор собирал почти открыто подписку на взрыв, и полученные таким путём полторы тысячи рублей были целостью доставлены комитету. Полиция же ничего не знала».

Иными словами — это самое общество к предстоящему убийству относилось терпимо, вполне сочувственно, что и позволило Степняку-Кравчинскому сделать следующий вывод:

«Революционеры имели дело не с правительством в европейском смысле слова, — при таких условиях борьба, по безграничному неравенству сил, была бы немыслима, — а с обособленной бандой, которая была ненавистна всей мыслящей России. Единственными союзниками правительства были шпионы и жандармы».

Но вот в феврале 1917 года революция победила. Долгожданное «обществом» избавление от монархии наступило. И что дальше?..

А дальше мы знаем что — наступила закономерная расплата.

ВНУТРЕННИЙ ЦЕРКОВНЫЙ МЯТЕЖ 1905 ГОДА БЫЛ НЕ МЕНЕЕ СТРАШЕН

Продолжу тему, затронутую в статье, посвящённой книге «Подпольная Россия» С.М. Степняка-Кравчинского, только взгляну на неё с иного ракурса.

Но вначале небольшое вступление.

Позвали меня в Спасо-Андроников монастырь. Долго договаривались об этой встрече с о. Вячеславом Савиных (о котором я и раньше много доброго слышал). Я-то поначалу думал, что еду смотреть экспозицию музея имени Андрея Рублёва, а оказалось, а оказалось всё совсем не так. Древних икон я не увидел, но с настоятелем собора Спаса Нерукотворного Образа познакомился.

Мы с товарищем успели к окончанию службы, которая звучала с стен старинного храма Москвы замечательно. Стены храма аскетически серы, не расписаны. Но хор звучит в них сказочно-возвышенно.

Я и к Кресту приложился со всеми прихожанами, когда вынес его из алтаря священник.

По холоду, дожидаясь отца Вячеслава, не раз мы обошли территорию монастыря, которую в это время после снегопада убирали от снега.

Поняв, что совсем не того я ожидал, приезжая сюда, хотел было отправиться восвояси (замёрз), но тут вышел из собора батюшка и стал осторожно спускаться по ступеням высокого каменного крыльца. Тут мы и познакомились с отцом Вячеславом.

Разговаривали (и отогревались) в маленькой тесной келье. Настоятель доброжелателен, прост в общении. Невысокого роста, худ, душевным расположением напоминает отца Евгения Юшкова.

Подарил ему свою книгу «Сроки».

— У меня в такой же обложке книга Цветкова была. Дал кому-то почитать, так и не вернули. Жаль, потому что подписана автором.

— Да, так оформлена серия наших книг «Времена и Мнения». Где же вы с Владимиром Георгиевичем познакомились?

— На художественной выставке «Земляки» в Нижнем Новгороде. Он подошёл, подарил.

— К годовщине его гибели мы выпустили сборник его последних статей «Вера в Бога у меня от мамы», куда вошли и воспоминания о Цветкове. Постараюсь его экземпляры сюда привезти.

— Хорошо, раздадим тем, кому это будет нужно. Гибели... Считаете, что его всё-таки убили?..

Я пожал плечами.

— Слишком много непонятого в его смерти.

Отец Вячеслав подарил мне ответно несколько сборников статей «Хоругвь» и две книги инокини Христины (Буткевич): «Бог поругаем не бывает». («Это как детектив в документах о нашей борьбе за собор») и «Олег Буткевич. Страницы из жизни и творчества» («Мы уговорили её написать — замечательный, талантливый был человек»).

Пригласил нас о. Вячеслав и на трапезу собравшейся общины.

За трапезой о. Вячеслав Савиных только обмолвился, что время сейчас ускорилося не в переносном, а в прямом, физическом смысле, как его перебили одновременно два члена прихода (или подвизающиеся здесь работники — точно этого знать не могу) с возражениями и буквально подняли старого священника на смех. Тот смиренно умолк. Мол, вероятно, что и ошибаюсь — как знать.

Я тогда на это обратил внимание лишь потому, что не так давно смотрел документальный фильм, в котором видные учёные объясняли само понятие — время. Оказывается, это не совсем то, что мы считаем в повседневном, бытовом плане. Это сложное физическое, научное явление. Но для малообразованных (потому и абсолютно уверенных в своей правоте) обывателей всё предельно ясно и понятно. Они готовы давать свои оценки хоть физике, хоть искусству, хоть политике, хоть философии или управлению государством. Я к такому поведению, лишённому всяких сомнений, привык. Но в случае с о. Вячеславом тронуло это не показное, естественное, мудрое смирение. Смирение не ума, не сердца — души.

После трапезы распрощались.

По возвращении в Нижний Новгород я перечитал в книге Н.Н. Третьякова «Образ в искусстве. Основы композиции» те места, которые ранее отметил в ней карандашом. Николай Николаевич размышляет:

«Мы живём в эпоху, когда время бежит быстрее, как бы сокращаясь. Мелькают дни и годы, и понятие вечности уходит из нашей жизни. Восприятие времени претерпевает сущностные изменения. Здесь немалую роль играет и современная информация, и новые средства передвижения, появившиеся в XX веке, и та психологическая суетливая торопливость, с которой мы живём, забывая о том, что время может быть и другим... Появились факты, подтверждающие сокращение времени. Известно, что масло в лампадах, зажжённых над Гробом Господним в Иерусалиме, стало выгорать медленнее, чем это происходило раньше, поскольку иначе движется самое время. Мы его не можем измерить, и оно не поддаётся рациональному анализу, но, тем не менее, факт ускорения налицо.»

Думаю, о. Вячеслав, говоря о времени, возможно, держал в уме этот пример из книги Н.Н.Третьякова. Сам он окончил художественное училище, прекрасный живописец.

Вот такой священник, смиренный и думающий, подарил мне альманах «Хоругвь», в № 7 которого (Издание Храма Спаса Нерукотворного Образа в Андрониковом монастыре. Москва. 2002) статью О.В. Никифоровой «Преосвященный Владимир (Соколовский), последний настоятель Спасо-Андроникова монастыря. Екатеринбургский период служения (23 декабря 1903 — 18 марта 1910 гг.)».

Текст большой — более сорока страниц убористого шрифта. Впрочем, тут же публикуются и несколько фотографий.

В статье автор довольно много цитирует письма епископа, направленные митрополиту Киевскому Флавиану. Вот от 24 мая 1905 года:

«Пишу из мятежного Тагила (47 тыс. жителей)... Завод один за другим и фабрики бастуют, бьют нелюбимых людей, поджигают дома... Пострадали в Алапаевском заводе и духовные. На 6-е мая возвращался в Екатеринбург. Там были покушения босяков ограбить женский монастырь (972 обительницы)... Площадь была занята многими тысячами народа — бунтовали против купцов и хозяев, а не против царя. Студенты, жида буквально из города бежали... немало их били. Губернатор бежал было из Перми (окна выбили, из револьверов стреляли), но потом возвратился в Пермь, с войсками... Бунтовали в Перми против царя и

власти сотни учителей, под предводительством начальницы гимназисток... Народ открыто грозит побоями агитатору, а худшая его часть и босякая рады смуте».

Сколько раз мне приходилось спорить с местными православными патриотами, что революция в России произошла не вдруг в 1917 году, а из-за долгого периода нестроений внутри самого государства. Это объективный и неопровержимый факт, который совершенно не воспринимают многие — от современных «дворян» до искренних ревнителей Православной веры.

Из этого письма разве не видно, что задолго до событий 1917 года наш народ, культивируя внутри себя смуту, устремлённо двигался к пропасти?

Потому и делаю для себя ещё одну выписку по затронутой теме из другого письма митрополиту от 11 июня 1905 года:

«Приговаривают социалисты меня в прокламации к смерти. Жребий выпал исполнить на студента-технолога, но он не захотел, застрелился... Срок убить меня определён до 15 июня. Подождём, увидим. Завещание в консистории... если на то воля Божия и что случится, прошу панихиду».

Далее из письма от 27 сентября того же года:

«Сегодня мятежная толпа ворвалась в зал земского собрания, речами и революционными песнями разогнала его... Получил письмо от анархистов: «Уходи скорее... иначе будет тебе то же, что Серёжке Романову». ...Напряжение измучило меня».

И из декабрьского письма. Может быть, это самые горькие и наиболее полно объясняющие то, что произошло через немногим более десяти лет.

«Внутренний церковный мятеж не менее страшен. Управляющий местным свечным заводом священник Уфимцев в параллель нашим пастьерским собраниям под моим председательством завёл свои тайные. В местной печати революционных газет вдруг появился целый ряд статей от Екатеринбургского кружка духовенства со страшными хулами на Церковь... Он хвалился мне, что находится в переписке с центральным комитетом в Петербурге; а один из его сторонников (их 19, все молодые священники из семинаристов) хвалится, что переписка ведётся с деятелями пресвитерианского движения 18 русских епархий... Если Дума будет красная, тогда она попытается попрасть Божий Закон. Либеральные иереи будут главными помощниками... Главным вдохновителем священника Уфимцева и писателем статей и бунтарных воззваний оказался учитель Екатеринбургского духовного училища Успенский... который написал на меня пасквиль митрополиту Антонию...»

Какие ещё более весомые доказательства нужны в подтверждение моих слов? Слышу этот живой голос из 1905 года и понимаю — в таком состоянии страна не могла не оказаться в кровавом междоусобном хаосе. Но разве новоявленные «дворяне» способны услышать этот «голос» из прошлого века?

В который раз осознаю, что даже серьёзные, пишущие люди не понимают всей взаимосвязи, что происходит в нашей истории вообще и с каждой отдельно взятой личностью в частности. Ничто не возникает из ничего, все поступки, политические действия ведут к какому-то определённому результату. Закрывание храмов и аресты священников — всё это лишь итог, результат, к которому шло «образованное общество в России» на протяжении многих десятилетий (особенно в XIX и начале XX веков). Я в своих статьях приводил достаточно фактов неблагоприятного духовного и нравственного состояния в том числе и в среде российского священства.

Приведу и ещё один. Вот что писал служащий Московской Синодальной конторы Денисов (начало марта 1917 г):

«Молодые монахи и либеральные «батюшки» неизвестно чему бесознательно радовались и ходили «гоголем», точно их рублём одарили».

Пожилые монастырские «старцы» и маститые отцы протоиереи, посевшие в консисторских интригах, вели себя уклончиво, сумрачно отмалчивались. Мелкая духовная челядь «дерзала»: пела под пьяную руку революционные песни, ходила на митинги, даже «выступала» на них... Впрочем, здесь низшая братия была не виновата: она обращалась за разъяснениями и указаниями к церковным властям, но те как-то мялись и отнекивались, либо отвечали «живите как хотите»...» (Взято из статьи «Церковь и революция» доктора исторических наук Михаила Ивановича Одинцова. «Независимая газета» 1.04.2009.)

Если мы считаем, что всем правит Промысел, то должны согласиться, что и испытания Русской Церкви даны были неспроста. В таком случае, не являлся ли период советской власти для России очистительным вразумляющим бичом? И не будь этого «бича», к чему бы могло привести одемократичивание на европейский лад русского народа, вместе с его священством?

Возможно, чтобы Россия осталась в мире «удерживающим началом», и были даны русскому народу такие немислимые испытания (вспомним здесь и войны, когда пришлось бороться в одиночку со всем «цивилизованным миром»), которые только он и мог вынести, духовно очистившись.

Мы представить не можем, какое значение будет России в грядущие времена. Об этом предсказаний дано немало. Впрочем, как и в прошлом предупреждений о грядущем нашем царотступничестве и о той цене, что придётся за это заплатить.

Как, например, в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Предсказание»:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом.*

Всё случилось по предсказанному поэтом.

Беда в том, что когда «либеральные батюшки» радовались, «маститые отцы» отмалчивались, «мелкая духовная челядь» митинговала, а церковные власти «мялись», то никто из них не подумал о грядущем «мощном человеке» с «булатным ножом», который придёт после «низверженного закона».

**«ТАК НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ, НЕЛЬЗЯ ТАК ЖИТЬ,
НЕЛЬЗЯ! . . .»**

Закончил читать трилогию Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», и теперь захотелось прочитать биографию писателя. Под руку попала давняя книжка (Константин Ломунов. «Жизнь Льва Толстого»), которую купил ещё в 1981 году (добротно издана «Художественной ли-

тературой» — авторитетным издательством той поры), а теперь она стоит на полке, где собраны книги по литературоведению и литературной критике.

И вот неожиданно захватило меня чтение этой книги. Конечно, отдавая дань тем временам, в ней достаточно идеологической шелухи, антикапиталистического пустословия, которое, впрочем, легко пропускается сознанием. Но вот что касается самого Льва Николаевича, его литературного окружения — тут невольно возникает во мне спор и несогласие.

Ломунов в своей работе довольно часто цитирует И.С. Тургенева. Я, в последнее время начитавшись его произведений, думаю о том, насколько он «поверхностен» по сравнению с Толстым и Достоевским.

Потому и писал Иван Сергеевич как-то поэту Полонскому по поводу «Анны Карениной»:

«Анна Каренина мне не нравится — хотя попадаются истинно великолепные страницы (скачка, косьба, охота). Но всё это кисло, пахнет Москвой, ладаном, старой девой, славянщиной, дворянщиной и т.д.»

Вот это «европейское» пренебрежение, некая искусственность в построении сюжетов его собственных романов, холодность в отношении судеб героев, созданных самим же писателем, наконец, не осознание в той степени, насколько это было присуще Достоевскому и Толстому, трагизма человеческой жизни, социального устройства общества — всё это делает Тургенева личностью мельче этих, столь не похожих друг на друга, гениев.

Это моё мнение. Уверен, многие со мной не согласятся, но так я чувствую и понимаю.

Толстой многое в устройстве человеческого общества пытается постичь разумом. Достоевский — душой, и потому оказался более провидческим писателем. Потому читая письма Льва Николаевича, написанные к его родственнице А.А. Толстой (незадолго до своей кончины), где писатель (по словам К. Ломунова) «объяснял смысл пережитого им духовного переворота», Фёдор Михайлович «хватался за голову» и «отчаянным голосом повторял: «Не то, не то!». «По свидетельству А.А. Толстой, читая эти письма, «он (Достоевский — В.С.) не сочувствовал ни одной мысли Льва Николаевича».

Никогда не получится создать рай на земле. Не в достижении равных социальных, экономических, бытовых, образовательных, общественных условий тут дело. А дело в «обустройстве» человеческой души.

Вот случай, описанный А.Н. Толстым в трактате «Так что же нам делать?». Приведу всё по цитате из книги Ломунова (стр. 120-121).

«В трактате «Так что же нам делать?» Толстой рассказывает, что, вернувшись из Ляпинского дома, он встретил приятеля и вступил с ним в горячий спор о судьбе только что увиденных им несчастных людей, гибнущих от голода, тесноты и болезней. Выслушав Толстого, не названный писателем приятель — «городской житель» — сказал «не без удовольствия», что «это самое естественное городское явление», что «всегда это так было и будет», ибо представляет собой «неизбежное условие цивилизации». К этим доводам он добавил: «В Лондоне ещё хуже... стало быть, дурного тут ничего нет и недовольным этим быть нельзя».

Самодовольство «городского жителя» — человека обеспеченного и читаемого в своём круге, привело Толстого в неистовство. «Я, — пишет он, — стал возражать своему приятелю, но с таким жаром и с такою злобою, что жена прибежала из другой комнаты, спрашивая, что случилось. Оказалось, что я, сам не замечая того, со слезами в голосе кричал и махал руками на своего приятеля. Я кричал: «так нельзя жить, нельзя так жить, нельзя!» Меня устыдили за мою ненужную горячность...»

Эта живая сцена, — продолжает Ломунов, — ...замечательна во многих отношениях. Во-первых, она раскрывает источник знаменитого призыва Толстого, прозвучавшего впервые в его статье «О переписи в Москве» (...)

«...Давайте мы по-дурачки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански налегнем народом, — не поднимем ли? Дружной, братцы, разом!» (Это был призыв помочь обездоленным, на который, естественно, никто не откликнулся — В.С.) Но «братцы» не откликнулись...»

Потому-то в «Так что же нам делать?» Лев Николаевич и написал: «... причина страданий и разврата людей та, что одни люди находятся в рабстве у других...»

Моё поколение людей пережило потрясающие события. Я видел трущобы, подобные тем, которые описывает классик, на Стрелке, в пределах старой Нижегородской ярмарки, в пригородах и в самом центре Нижнего Новгорода (тогда города Горького). В течение 60-х — 70-х годов прошлого века их все снесли, а обитателям выделили бесплатно новые благоустроенные квартиры, обеспечили бесплатным лечением и образованием, да и оплата за жильё была больше символической. Эти люди не были в рабстве у других, однако...

Однако менее чем через двадцать лет эти «жители трущоб», взбунтовавшись, уничтожили общественный строй, который лишил их «рабства» и который их всеми благами материальными обеспечил, разрушили страну, чтобы вновь вернуться в нищету, бесправие, алкоголизм, проституцию, устроив в когда-то удобных квартирах бордели, дабы вернуться в рабство, туда, о чём криком кричал Толстой: «Так нельзя жить, нельзя так жить, нельзя!»

В этом отношении предвидения Ф.М. Достоевского, относительно глубин человеческой души, той борьбы, что происходит в ней, по сию пору поражают своей страшной точностью и неотвратимостью.

Не материальный достаток делает человека чище и свободнее, предаёт смысл его земному существованию, а вера в Бога. В Его бескрайнюю любовь к нам.

Без этого осознания — всё гибель и разрушение. Всё — бесконечный вопль о несправедливости в жизни.

НЕБОЛЬШИЕ ХИТРОСТИ С БОЛЬШИМ СМЫСЛОМ ПИСАТЕЛЯ ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА

Читал в «Нашем современнике» (№ 1, 2016) отрывки из романа-биографии В.П. Катаева «Вечная весна». Это Сергей Шаргунов о Валентине Катаеве написал.

Мне всегда было интересно творчество Валентина Петровича, много всего сплетничали о его жизни. Это действительно необыкновенный писатель, опубликовавший ближе к концу жизни два романа («Алмазный мой венец» и «Уже написан Вертер»), в которых много всего биографического зашифровал.

Я помню Катаевскую фотографию, на которой видно, как небрежно приколата на пиджаке звезда «Героя Социалистического Труда» (так дети значки на рубашки прикрепляют). И было во всём облике писателя нечто ехидно-насмешливое, мол, «я для вас кое-что приготовил, ещё вспомните меня». Вот Шаргунов и вспоминает...

Ну, не вспоминает (молодой совсем), а восстанавливает по архивам, библиотечным подшивкам дореволюционных газет Одессы, встречаясь с разными людьми.

Всё-таки Катаев числился в крыле демократических, вольных советских писателей. Но в дореволюционной молодости сотрудничал с черносотенскими организациями, воевал (и был ранен) во время Первой мировой войны и вообще оставил за собой непростой, запутанный след.

Вот я и решил прочитать небольшую книжку писателя, которая затерялась, да вот нашлась в моей деревенской библиотеке. Книжка называется «Маленькая железная дверь в стене».

Взялся ранним утром, да так и не оторвался.

Если коротко охарактеризовать книгу (для тех, кто её не читал, да и вообще не слышал о её существовании): она посвящена жизни В.И. Ленина за границей в преддверии революционных событий в России.

В книжке Катаев приводит такую цитату Кржижановского:

«Когда, бывало, по гулким коридорам дома предварительного заключения на Шпалерной улице царского Питера, где мне пришлось одновременно с Владимиром Ильичом отбывать тюремное заключение по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», по временам было слышно, как охранники волокут тяжело гружённые книгами корзины, я знал, что этот книжный груз последует в камеру Владимира Ильича... Можно ли более образно и убедительно показать отношение Ленина к чтению...»

Придёт не так много лет, и уже при Ленине в тюрьмах России к политическим заключённым будет совсем иное отношение, такое, что те позабудут о всяком чтении. Действительно, можно ли ещё более «образно и убедительно показать», что принесли стране годы «февральского переворота»?

Вообще, от книжки В. Катаева остаётся впечатление «выполнения заказа». Валентин Петрович выкрутился, описав в ней больше о своих путешествиях «по ленинским местам» в Европе, наполнив текст воспоминаниями детства, своей поездки к Максиму Горькому на Капри, воспроизвёл общение с известными деятелями зарубежной культуры. Эти куски в книге наиболее интересны.

В остальном же от опытного читателя не ускользает ощущение неискренности написанного. Так сквозь строчки и видишь хитроватую улыбку Катаева.

Приводит Валентин Петрович, рассказывая о многочисленных передвижениях В.И. Ленина по Европе, отрывок из воспоминаний М. Горького о «вожде мирового пролетариата»:

«А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти всё!» — как-то сказал Алексею Максимовичу Владимир Ильич.

И вот с таким знанием страны планировалась её «переустройство».

У соратников Ульянова-Ленина знаний о стране, где они собирались совершить революцию, было не больше.

И это родовая болезнь «демократии», представители которой уже в наше время вновь стремятся к «коренным преобразованиям» в России, при этом если и выезжают за окружную дорогу столицы, то только для того, чтобы добраться до аэропорта, а дальше — США, страны Евросоюза, курорты Юго-Восточной Азии... Что угодно: моря и горы, тропики и острова, конгрессы и парламенты, только не города и просторы Российской Федерации.

Но почему я отметил неискренность и хитроватость Валентина Катаева?

Кстати, я в эти понятия относительно к автору книги не вкладываю никакой негативный смысл.

На странице 72 писатель непонятно к чему вдруг вставляет такую фразу:

«Быть может, некогда на этом месте (В Парижской национальной библиотеке, в кабинете периодической печати — В.С.) сидел Ленин, перелистывая тот же самый комплект «Нового времени» за 1907 год и, сузив **недобрые** глаза, делал выписки из статьи **Меньшикова**, вызывавшей в нём чувство физической тошноты».

Выделено жирным в тексте — это мною.

Ну, во-первых: кто в середине 60-х годов мог знать, кто такой М.О. Меньшиков? Только немногие знатоки русской национальной публицистики. Имя этого блестящего писателя было под строжайшим запретом.

В конце в «Примечаниях» к «Маленькой железной двери...», составленных Л. Скорино, сказано: «...реакционный публицист... В.И. Ленин

назвал его «верным сторожевым псом царской чёрной сотни»... В 1919 году расстрелян».

Тут автор примечаний ошиблась. М.О. Меньшиков был расстрелян 20 сентября 1918 года сотрудниками ЧК.

И во-вторых: так почему же Катаев называет именно **Михаила Осиповича** как автора, чьи статьи читает В.И., и больше никого? Ведь мало ли что ещё мог читать Ленин в номерах суворинской газеты.

Многое станет понятным (хитрость и даже ехидство автора), если мы вспомним, что сам молодой Катаев публиковался в дореволюционной черносотенной газете, что, понятно, в советское время не оглашалось.

Так одной фразой Валентин Петрович и почтил память М.О. Меньшикова, напомнил о нём ищущему читателю, и о своём прошлом намекнул.

В-третьих: у Ленина при чтении «недобрые» глаза. И мы понимаем — приди к власти, соратники Ленина (а вернее, по его прямому указанию) не простили публицисту прежних статей, отомстили — расстреляли.

И таких эпизодов с «двойным дном» в книге предостаточно.

Всё это я написал потому, что уж больно легко часть русских патриотов отказывается от отечественного литературного наследия, ругая и клеймя действительно талантливых писателей, составляющих славу русской литературы.

Может быть, просто не всегда внимательно они их читают?

Иногда стоит задаваться таким вопросом.

А то неравён час — пробрасаемся.

НАЧАЛИ ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕМ К ХЛЕБУ, ЗАКОНЧИЛИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ

Прочитал «Воспоминания» Л.Е. Белозерской-Булгаковой. Конечно, много бытового, поверхностного — в этом отношении женские воспоминания вообще нечто особенное и не всегда полностью объективное. Хотя в данном случае, возможно, что и исключение в лучшую сторону. Затем пересмотрел в компьютере «Театральный роман» М.А. Булгакова, снятый телеканалом «Культура» в 2003 году. (Я видел ранее эту работу по телевидению: но тут неудержимо захотелось пересмотреть.)

Несколько лет назад, перечитав «Дьяволиаду» писателя, я сделала оценки для себя о творчестве Михаила Афанасьевича в контексте первой трети XX века, и теперь не отказываюсь от них.

Но за последнее время, прочитав и перечитав «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева, «Дорога на океан» и «Соть» Л. Леонова, «Мятеж» Д. Фурманова, «Волга впадает в Каспийское море» Б. Пильняка — все эти романы, написанные приблизительно в одно время, когда писал свои произведения и Булгаков, но проникнутые совершенно иным устремлением, пафосом, конфликтом (социальным и историческим) — они яростно вступали в противоречие с задачами и помыслами, вкладываемыми в своё произведение Михаилом Афанасьевичем.

И подделать тут ничего нельзя — объективность времени.

Другое дело, что по прошествии всё того же времени перечисленные книги как бы затерялись (уверен — тоже до своего времени), а булгаковские вышли на первый план.

Тут-то и сокрыта загадка всякого творчества — рационально не объяснимая. Внешние причины создают условия для нового прочтения книг: обнаружить в них то, что не было видно в момент их выхода в свет, да и авторы в содержание своих произведений это заранее не закладывали. Всё происходит само собой и заново. Новые события освещают старые тексты непривычным светом, как бы заштриховывая в них одно и высвечивая другое.

Насчёт же книги Белозерской-Булгаковой: приводит в ней Любовь Евгеньевна такой эпизод из своих послереволюционных эмигрантских заграничных странствований:

«Сам Владимир Пименович (Крымков — В.С.) — человек примечательный: происходит из сибирских старообрядцев, богатый владелец многого недвижимого имущества в разных точках земного шара, вплоть до Гонолулу. (...) Из России уехал, «когда рябчик в ресторане стал стоить 60 копеек вместо 40, что свидетельствовало о том, что в стране неблагополучно», — таковы его собственные слова». (Это из берлинских впечатлений.)

Вот этого старообрядческого чутья (не в смысле бежать из страны, а в понимании, что на страну надвигается неблагополучие) подавляющему большинству из нас, на мой взгляд, не хватает. Сколько можно было бед избегать, вовремя обратив внимание на «рябчиков».

Наверное, повторюсь, и всё-таки как не вспомнить тех старушек из 70-х и 80-х годов прошлого века, переживших многое на своём веку и говоривших тогда (я это сам не раз слышал): хлеб перестали ценить, батоны в мусор выбрасывают, быть беде. Тогда это воспринималось как какое-то кликушество. Думалось — копеечное дело, а они экономят, жадничают. Смех, да и только.

А за этим чувством скрывалось другое: не ценят хлеб — пропала боязнь голода, значит, со временем перестанет цениться и то, что сделало для тебя государство, заплатив многими лишениями и страданиями поколений.

Всего-то лет пятнадцать прошло — и всё свершилось, всё рухнуло, наступил голод и бесправие, полилась невинная кровь в межнациональных и братоубийственных конфликтах.

И разница-то, кажется, небольшая: там рябчики, тут булки.

Всякой мемуарной лжи о русских литераторах за последние десятилетия написано много.

В воспоминаниях всё той же Белозерской-Булгаковой есть пересказ знаменитого письма Михаила Афанасьевича правительству СССР, к Сталину.

Оказывается (во всяком случае — с её слов) писатель не просил, чтобы его выпустили за границу. Вот что пишет Любовь Евгеньевна:

«По Москве сейчас ходит якобы копия письма М.А. к правительству. Спешу оговориться, что это «эссе» на шести страницах не имеет ничего общего с подлинником. Я никак не могу сообразить, кому выгодно пустить в обращение этот опус. Начать с того, что подлинное письмо, во-первых, было коротким. Во-вторых — за границу он не просился. В-третьих — в письме не было никаких выпяченных выражений, никаких философских обобщений. Основная мысль булгаковского письма была очень проста. «Дайте писателю возможность писать. Объявив ему гражданскую смерть, вы толкаете его на самую крайнюю меру... «Письмо», ныне ходящее по рукам, — это довольно развязная компиляция истины и вымысла, наглядный пример недопустимого смещения исторической правды...»

Далее бывшая жена писателя рассказывает о звонке И.В. Сталина М.А. Булгакову. Разговор вождя с писателем она слушала (по предложению самого Михаила Афанасьевича) через «отводные от аппарата наушники».

«Он говорил глуховатым голосом с явным грузинским акцентом и себя называл в третьем лице: «Сталин получил, Сталин прочёл...» Он предложил Булгакову:

«— Может быть, вы хотите уехать за границу?»

(Незадолго перед этим по просьбе Горького был выпущен за границу писатель Евгений Замятин с женой.) Но М.А. предпочёл остаться в Союзе».

Сколько же неправды и всевозможных фальсификаций нас окружает. Тем более в сегодняшнее время неограниченного распространения информации по интернету.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К РОДНИКАМ

Во время летнего житья в своём деревенском доме бывает у меня такое необъяснимо грустное настроение, что ничем плодотворным не могу заниматься — только читаю, да и то как-то без азарта. Без принуждения, но и не «взахлёб».

Так однажды и отыскал на стеллажах (пока топил печь в первой комнате — стеллажи с книгами в которой как раз между печью и окном, вдоль стены), на самой нижней полке солидный фотоальбом «Ясная Поляна», выпущенный в 1978 году издательством «Советская Россия». «150-летию со дня рождения великого русского писателя Льва Николаевича Толстого посвящается».

Он хранится в неброском, но специально для него изготовленном картонном футляре. Сверху уже были наставлены литературные журналы, потому про эту книгу я почти совсем забыл. Даже первоначально подумал: «Откуда она у меня? Видимо, Т.Б. Лубяко подарила». А потом отыскал надпись, что Таня и Люся дарят эту книгу «на память о любимом писателе» своей тётке. Ну конечно, это сёстры Лубяко. Татьяна Борисовна — мой классный руководитель в средней школе (с 5 по 8 классы). Сестра её Людмила Борисовна тоже педагог, а тётка, для которой первоначально и предназначалась эта книга, Заслуженный педагог РСФСР, кавалер ордена Ленина, многолетний директор одной из лучших горьковских (тогда Нижний Новгород назывался именем этого писателя — теперь приходится такой факт уточнять, напоминать, иначе читатель запутается), школ...

Листал я тяжёлый том с особым чувством, вспоминая свои недавние поездки в Ясную Поляну по заботливому приглашению Сергея Овчинникова — светлой души русского православного врача и писателя, да старушек сестёр-педагогов тоже.

Вспомнил и как Татьяна Борисовна подарила мне эту красивую книгу, пригласив к себе на традиционный пасхальный обед. Несколько лет подряд мы отмечали Рождественские и Пасхальные дни у неё за щедрым столом.

В альбоме современные фотографии хорошего качества соседствуют с историческими (которых, пожалуй, большинство) и с иллюстрациями портретов Л.Н. Толстого работы И.Н. Крамского, И.Е. Репина, Л.О. Пастернака. Со временем фотографии и репродукции не поблекли, не выцвели, что говорит о высоком качестве печати (Любяна. Типография ТОЗД Младинска книга) при тираже 50 000 экземпляров.

Но цена для тех лет просто фантастически дорогая — 13 рублей! При такой стоимости издание в первую очередь должно было быть рассчитано на иностранных туристов. В конце книги статьи даны на английском, французском, немецком, испанском языках.

Открывается фотоальбом статьёй В.А. Солоухина. Владимир Алексеевич — любимый многими писатель. Я у него прочитал всё — от первых прозаических вещей, до последних его книг. Не воспринял лишь его поэзию. Остался к ней равнодушен. Но так бывает — в стихах у поэта и читателя должно что-то совпасть на подсознании, на движении их душ.

Не знаю, другому писателю позволили бы писать о прошлом «староружимном», «крепостническом» времени в таком ностальгически-любовном ключе, как это сделал Владимир Алексеевич:

«Вообще-то говоря, таких помещичьих усадеб, таких имений, как Ясная Поляна, в России были десятки тысяч. С более пышными или более скромными господскими домами, с флигелями и службами, конюшнями и оранжереями, старыми липовыми парками и дубами-старожилами, с обозначенными въездными воротами и тёмными аллеями, с прудами и беседками, с сиреневыми кустами и террасами, выходящими в сад, с портретами предков и библиотеками, с музицированием в лунные вечера и прекрасными романсами, с уединёнными скамейками в глуби-

не парка и хризантемами перед домом, с заготовкой варенья в июле и солкой огурцов по осени, с шуршанием длинных платьев и блеском офицерских эполет, с настойками в графинчиках и тонкими винами, с отдалённым звоном поддужных бубенцов и с вечерним звоном (...). Таких помещичьих усадеб было в России десятки тысяч (*Хитрец Владимир Алексеевич. Он прекрасно понимал, что у всякого прочитавшего эти строки тут же возникает вопрос: так где же они теперь, куда делись десятки тысяч усадеб? Да ведь этого-то вопроса к себе писатель и добивался. А так, как задумавшийся без труда найдёт ответ, и, значит, дело сделано, автор ловко уходит в сторону, чтобы избежать цензурного удара.*), но Толстой был один».

Вообще мне кажется, что во всей этой статье отражён симптом того времени — намечающихся изменений в осознании исторического и культурного прошлого страны. Ведь не зря я где-то прочитал, что Солоухин имел потрясающий нюх на то, что вот-вот должно быть разрешено, и буквально на полгода опережал собратьев-писателей, успевая выпустить новую книгу в самый нужный момент.

А возможно, напротив, — возражаю я — именно его книги подталкивали эти изменения — сейчас уж тот феномен не разгадать. Досужих же разговоров — их не счесть.

Но это факт — начала появлялась возможность переосмысления «революционного периода». Ведь вот и книги авторов XIX века, имена которых, казалось, напрочь забытыми, начали переиздаваться: Е.Э. Дрияновского, А.Н. Плещеева, А.Ф. Вельтмана, И.И. Дмитриева, М.П. Погодина, Н.Ф. Павлова, Н.Ф. Глинки, сборник статей А.Н. Афанасьева... Я помню, что тогда ясно ощущал эту робко нарождающуюся тенденцию, покупая книги перечисленных авторов в книжных магазинах.

Как бы осознавая это робкое движение к русскому самосознанию, антинациональные силы в СССР, правопреемника Российской империи (той самой, где были выстроены десятки тысяч упоминаемых Солоухиным усадеб), но главным образом в РСФСР, в Москве, устраивают «перестройку», которая своим разрушительным действием так напоминала революционные события начала века, когда как раз все помещичьи гнёзда и были уничтожены — сожжены, разграблены, стёрты с лица земли.

Вот и Сергей Куняев в книге «Ты, жгучий отпрыск Аввакума...» замечает, описывая революционные события 1917 года, справедливо замечает: «...во всей этой истории, по-хорошему говоря, не счесть параллелей с пресловутым «путчем» августа 1991 года!» Того самого августа, когда страна вновь рухнула в катастрофу с неисчислимыми потерями, разрушениями, жертвами.

Как написал Сергей Есенин, оценивая революционные события начала века (сборник 60-х годов выпуска с произведениями поэта у меня тут же под рукой):

*Ещё закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.*

(«Ленин», отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)

Но протоплена печь. В доме становится по-особенному уютно. Такое доброе, домашнее тепло даёт только печь в старом бревенчатом доме.

Пошёл за водой на родник. Он под кроной старой разросшейся черёмухи.

Пока зачерпывал воду, в вёдра налетели крохотные белые лепестки черёмухового цветения. И так они весело плавали по поверхности прозрачной, немного ещё потревоженной воды, что и мне стало радостнее на душе.

Удивительное создание человек. Самая незначительная, крохотная малость, которая к нему и отношения-то никакого непосредственного не имеет, может всё в нём изменить.

Задеть самое главное задеть — душу.

И тогда все политические катаклизмы в какой-то миг станут ничем, по сравнению с упавшими лепестками цветущей черёмухи в родниковую воду, что ты только что зачерпнул в свои вёдра.

Оглянулся вокруг.

Быстрая речка ещё не вернулась в берега после весеннего разлива. Она сейчас шире и полноводнее, стремительнее, чем летом. В её коричневатой воде стоят прибрежные деревья.

Осока только поднялась в болотистой низинке, и потому собой не скрывает устремлённого в лес потока.

Летом в этом месте многое изменится. Тут будет особая, отличная от теперешней, красота.

Но мне и эта, и ожидаемая впереди — одинаково в радость. Потому что теперь это потаённое от людей место — только моё. Сюда нет тропы, нет никому хода (кто же полезет в осоку, когда скважина у дома). Поэтому, видимо, и испытываю у родника необъяснимо-потаённое, волнительное чувство одиночества.

В такие минут всё уходит далеко-далеко — книги, писательские судьбы, сожжённые усадьбы...

Мироздание, в которое зовётся твоя душа — бесконечно.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ И РЕПОРТАЖАХ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА И ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

Какое замечательное дело — создание домашней библиотеки.. Как важно, чтобы она была в каждой семье. Интернет даёт огромные возможности в получении информации. Но общение с книгой — это совсем иное.

Я начал постоянно и целенаправленно покупать книги с 1977 года, отслужив в рядах Советской Армии положенные два года (в казарме умудрялся много читать, хотя командованием подобное не поощрялось), а значит уже повзрослевшим человеком, понимающим, зачем ему это нужно.

Покупал книги разборчиво и по разным направлениям: литературоведение, естествознание, путешествия, биографии, кинокритика, политика зарубежных стран, дневники и мемуары, эпистолярное наследие, публицистика, жизнь животных, музыка — классическая и современная, классическая проза и поэзия — русская и зарубежная...

Мне всё было интересно. Читал ежедневно, с жадностью. Какая-то из книг всегда была при мне — в сумке или портфеле, в кармане куртки или просто в руке. Я читал стоя на остановке дожидаясь автобуса (летом и зимой), затем в нём самом — свободном или переполненном, в промороженном зимнем трамвае и в устало стрекочущем позднем (почти ночном) троллейбусе. Меня никто не заставлял этого делать — тут сказывалась интеллектуальная неудовлетворённость.

Выработанная тогда привычка осталась со мной по сей день. Отправляясь в дорогу, я обязательно думаю, какую бы из книг с собой взять? И лучше всего из забытых, так и не прочитанных. А таких не мало. Купленная книга, случается, оказывается на самой верхней полке стеллажей. Ты о ней знаешь, время от времени её переставляешь, перелистываешь... И вот, что называется, руки доходят. Зато как радостно неожиданное открытие.

В моём деревенском доме, в котором появляюсь только летом да ранней осенью, таких неожиданных книг всё ещё достаточно. Зато, может

бить, прочитай я её сразу и такого впечатления, как спустя годы, не получил бы. Всему своё время и свой срок.

Подобным образом пришёл ко мне в руки и том, выдержки из которого я сейчас хочу привести.

Приехал в свой деревенский дом.

«Как же рад вновь вернуться за рабочий стол, к книгам на стеллажах и на полках», — первая фраза, которая пришла на ум после того, как привезённые из города вещи были разложены по своим местам, открыто окно, и особый деревенский покой с пением птиц не ворвались, а вплыли в мою комнату.

Во время телефонного разговора вдруг пришла мысль: всё проходит — дожди и засухи, холода и зной, пожары и наводнения... Всё проходит, и во время этого движения неумолимо становится меньше и меньше огрызочек всякой индивидуальной человеческой жизни. Это-то больше всего, даже если не осознаём, нас и мучает.

Для разбега перед намеченной работой взял полистать (да и вчитался) книгу статей и репортажей Константина Симонова и Ильи Эренбурга «В одной газете» (Издательство Агентства печати Новости. М.: 1984). Как понял — тут материалы, опубликованные писателями в 1941-1945 гг. на страницах газеты «Красная звезда». В предисловии составителя Л. Лазарева уточняется, что ряд статей Эренбурга, не имеющих названия (вместо заголовка стоит число их написания), писались им для зарубежных изданий.

«Рукописи этих статей были обнаружены уже после смерти Эренбурга, и на русском языке они впервые были изданы несколько лет назад, составив книгу «Летопись мужества»... В статьях Эренбурга 1942 и 1943 годов... самый большой вопрос во взаимоотношениях с союзниками: ... военные руководители западных стран тормозят и саботируют высадку армий на побережье Франции... что зарубежная пропаганда нередко очень преувеличивает и военные усилия союзников, и размеры их поставок Советскому Союзу. Он постоянно подчёркивает, что советский народ несёт главную тяжесть борьбы с фашизмом, что вклад союзников... не идёт ни в какое сравнение с теми жертвами, которые приносит... советский народ».

Я специально выписал цитату из предисловия 1984 года, чтобы показать, как со временем изменились в оценках национальные акценты. Но начну по порядку, с публицистики 1941 года.

«Фраза «Победа будет за нами» ещё четыре месяца тому назад была газетной фразой. Она превратилась теперь в гул русских лесов, в вой русских метелей, в голос русской земли».

Так написал Эренбург 25 октября 1941 года. А так Симонов о том бое, над полем которого позднее завещал развеять свой прах после смерти:

«Грозное русское «ура» совершенно неожиданно обрушилось на переправившихся через реку немецких солдат... многим поневоле пришлось всё-таки испытать на себе силу русского штыка» (5 июля 1941 г.).

И первый и второй в статьях и репортажах о стране говорят, как о России, а о солдате — как о русском солдате и совсем не упоминают СССР, выражение «советский народ».

Симонов пишет очерки «с места события» — о походе к румынскому берегу на подводной лодке, о бое полка прикрытия, о вылазке в составе группы разведчиков в тыл к немцам на Севере, о лётчике-ассе Коваленко, истребителе вражеских истребителей...

Эренбург — либо об оборонительно-тыловой службе противовоздушного прикрытия столицы, либо статьи аналитическо-осмысливающего плана.

Здесь есть о чём поразмышлять и в наше время.

«Гитлер утверждает, что против России идёт «коалиция государств». Может быть, он спросил финнов, хотят ли они умирать за «Великую Германию»? Может быть, он осведомился, желают ли словаки стрелять в

своих братьев-русских? Нет, он приказал, и его наёмники — ...Муссолини, ...Тисо, ...Антонеску, ... Рюти не осмелились возразить».

Далеко ли это от утверждений и действий нынешних США?

Непостижимо, с какой точностью всё в истории человечества повторяется — как по раз и навсегда написанному сценарию. Только Россия в третьем десятилетии XXI века уже не та. Как сказал её президент: «Зубы выбьем, кто к нам полезет с желанием откусить от территории России».

Ну, да в сторону книгу, пора приступать к главному делу.

Как заметил Константин Симонов в статье, опубликованной 6 мая 1944 года в газете «Литература и искусство»: «Бывают писатели с неистощимой выдумкой — это хорошие писатели. Бывают писатели с неистощимым сердцем — это большие писатели».

И то, и другое — вершины мало кому достижимые.

После работы над текстом рассказа, вечером, при свете настольной лампы, вновь беру в руки книгу.

Цитата из статьи Эренбурга, предназначенной для иностранных изданий (20 апреля 1942 г.).

«...На нашем огромном фронте английские и американские истребители и танки — это отдельные эпизоды. Достаточно вспомнить, что все заводы Европы работают на Гитлера. И Гитлер самолёты не коллекционирует. Гитлер не копит свои танки — его самолёты и танки не во Франции, не в Норвегии, они даже не в Ливии — они перед нами и над нами...»

Накануне весны мы говорим о втором фронте как о военной мудрости и как о человеческой морали. Так мать, у которой все дети на фронте, глядит на другую — её дети дома...»

Это ответ из 1942 года тем, кто говорит, что победили немцев и общеевропейский фашизм США и Англия, а СССР только и был не разгромлен Гитлером потому, что ему помогали страны союзницы. Это свидетельство очевидца, голос из военного времени!

Который год на нашей черёмухе возле дома поёт соловей. Я уже отношусь к нему, как к домашнему обитателю. Не знаю, сколько живут эти птицы. Вернее всего — это не один и тот же. Но вот чем-то особенно приглянулась черёмуха этому пернатому братству. Возможно, тем, что вместе с двумя рябинами, берёзой и разросшимися кустами сирени им сверху кажется, что перед домом моим маленький лесок. Все деревья, когда-то нами посаженные (кроме сирени), разрослись вольно, единой пышной кроной, высоко.

Всё продолжаю идти с Симоновым и Эренбургом (год за годом) по дорогам той страшной и Великой войны, совершенно иначе (фактами) начиная её ощущать, понимать. Словно прошлое никуда не ушло, не кануло в вечность, а продолжает обжигать чувства токами, сокрытыми где-то между строк. И то, о чём спорят современные политики и политологи, ясно видится и понимается.

«Когда мы говорим «Россия», мы этим не выделяем того или иного народа. Слово «Россия» теперь не название государства, а нечто глубоко внутреннее, связывающее нас с нашей историей, Вторую отечественную войну с Первой, молодого красноармейца с Суворовым, колыбели детей с могилами предков (И. Эренбург. «О патриотизме» 14 июля 1942 г.).»

Моя рукопись всё дальше и дальше продвигается вперёд. Растёт стопка перевёрнутых листов бумаги на столе слева от меня. Она уже имеет свой осязаемый размер и вес. Какое же ни с чем не сравнимое удовольствие держать её в руках, ощущая с каждым днём прибавления веса в ней. Уже не огорчает качество написанного. Главное — довести работу до конца. А уж там потрудимся, попытаемся повесть привести в божеский вид, в удобочитаемый.

Сажу за столом. Передо мной открытое окно, в которое время от времени врывается порывистый, хулиганский ветерок. Сбрасывает листы с заметками на пол. Не сердясь, их опять поднимаю на стол.

За окном тихо, только птицы поют, да иногда зашелестит потревоженными ветвями сирень. Слегка колышется высокая трава и цветы. Что же ещё нужно для того, чтобы сосредоточенно и упорно работать.

Всё-таки удивительно, как разворачивается действие в повести. Ещё утром я представлял одно общение героев друг с другом, а за рабочим столом, по мере написания текста, вдруг ловлю себя на мысли, что они ведут себя совершенно иначе. И удивляешься этому изменению, и в то же время ничего не можешь поделать. В этом загадка всякого творчества. Возможно — главная. Рождённые тобой герои живут своей жизнью, чаще, отдельной от той, что уготовил для них писатель.

Молодые соседи привезли в деревню двух собак. Одна большая, сильная, чёрная и невероятно добрая. Со всеми играет, ко всем ластится. Она и у меня уже несколько раз попросила её погладить, со мной крутилась, пока я убирал с изгороди прогнившую жердь, обошла со мной весь наш двор.

Другая маленькая, белая, с большими рыжими пятнами на спине. Если слышен в деревне лай, то это её голос. Но сегодня, работая за столом, увидел в окно, как она, играя, задирает большого пса. Рычит на него, хватая за пасть. Тот отпихивается, убегает, но маленькая — пристала, как репей. Кажется, чёрный пёс, с его-то пастью, мог играючи перекусить забяку, а вот не трогает. Та же от безнаказанности только больше распаляется. Ну чем не пример для нас, людей?

Прочитал очерк К. Симонова (всё из той же книги) «На старой смоленской дороге». Вот бы что прочитать перед немецкими парламентариями мальчику «Коле из Уренгоя», а не сочинение с сожалением о безвинно погибшем пленном немце. Сколько десятилетий прошло, а и теперь без слёз всё это узнавать невозможно. Почему этого очерка (или подобного ему) нет в школьных учебниках?

Быстро, быстро мы прощаем своих врагов, не давая им осознать своей вины перед Россией. Знаю, что повторяюсь, но в сердце-то кипит.

«Вот следующая за Вязмой деревня, овраг, в котором лежат ещё не закопанные, вчера только убитые старики и женщины. Одна из них лежит, закинув голову, судорожно прижав к груди убитого ребёнка».

«Они мстительно взрывали улицу за улицей, дом за домом, пока не взорвали всё — от первого и до последнего. И вот мы стоим на одной окраине города, и нам насквозь видны снежные поля, идущие за той стороной города — весь город виден насквозь, потому что его больше нет, он перестал быть городом».

Из таких страшных, жутких картин весь очерк очевидца — трупы расстрелянных, сожжённых, невинных русских людей. Никто за эти смерти так по-настоящему и не ответил.

Из статьи И. Эренбурга «Судьба Европы» (19 марта 1943 г.):

«Гжатск значится на карте, он значится в сердцах, но его больше нет на земле. По последнему слову техники вандалы — вандалы нашего века уничтожили город. Они взрывали толлом яси и церкви... В районе половина деревень сожжена, уцелели только те деревни, из которых немцы убирались впопыхах под натиском Красной Армии. Мало и людей осталось. Шесть тысяч русских немцы угнали из Гжатска в Германию... По улицам города шли малыши двенадцати-тринадцати лет, подгоняемые прикладами: это немцы гнали детей в рабство. Порой угоняли целые семьи, целые сёла. Район опустел».

Продолжу выписки из статей Эренбурга.

«Если в других странах мы можем говорить о частном предательстве... то во Франции приходится признать наличие групповой измены. Верхушка французского довоенного общества оказалась частично гнилой. Немцы наши изменников оптом; с дельцами, с генералами, с журналистами и с политиками» (10 августа 1944 года).

«Лейтенант Битти, командовавший десантной операцией в Сен-Назаре, был взят немцами в плен. Английское командование наградило

лейтенанта орденом Виктории. Немецкий комендант лагеря, выстроив пленных офицеров, огласил приказ о награждении Битти... (этот эпизод Эренбург цитирует из газеты «Дейли Мейл» от 4 августа 1943 г. — В.С.). По словам газеты, он «горячо зааплодировал».

И далее:

«Немецкий комендант поздравил Битти, что было джентельменским поступком».

«Русских военнопленных фашисты кормят отбросами, — продолжает Эренбург, — заставляют их руками собирать испражнения, подвергают их изощрённым пыткам» (13 августа 1943 года).

«Англия запретила детям до 16 лет смотреть фильм «Разгром немцев под Москвой»: зрелище виселиц, воздвигнутых гитлеровцами, и трупов замученных немцами признано для подростков безнравственным. Я знаю пятнадцатилетнего русского, он партизанит. Его мать убили, сестру изнасиловали... Описание фашистских зверств в России некоторые англичане и американцы считают безнравственным чтением» (13 августа 1943 года).

«Один наш батальон был сформирован из уроженцев Курской области... И вот пришли страшные известия. Лейтенант Колесниченко узнал, что его отец повешен в селе Медвинка. Мать капитана Гундерова немцы расстреляли. Красноармеец Бородин прочитал, что немцы замучили его мать и расстреляли двух братьев. Лейтенант Богачёв — расстрелян отец, убита жена. Красноармеец Луханин — расстреляна жена. Красноармеец Карнаухов — убиты двое детей и сестра. Красноармеец Барышек — расстрелян отец; дядя, не выдержав издевательств немцев, наложил на себя руки. Красноармеец Орехов — жена приговорена к повешению. Красноармеец Есин — расстреляны дядя, жена его и дочка. Красноармеец Бридин — убит племянник, пятилетний мальчик. Красноармеец Рыбалко — расстрелян зять. У девятерых семьи угнаны в Германию. У тридцати двух дома сожжены. Это всё в одном батальоне». («Изгнание врага» 9 сентября 1943 г.)

«Передо мной секретное донесение командира Судетской дивизии генерал-лейтенанта Деттинга. Записка озаглавлена: «Настроение местного населения». Вот что пишет немецкий генерал: «Подавляющее большинство населения не верят в победу немцев... Молодёжь обоего пола, получившая образование, настроена почти исключительно просоветски. Она недоверчиво относится к нашей пропаганде. Эти молодые люди с семилетним и высшим образованием ставят после докладов вопросы, позволяющие сделать заключение об их высоком умственном уровне... Они читают ещё сохранившуюся советскую литературу. Эта молодёжь сильнее всего любит Россию...» («Душа России» 11 ноября 1943 г.).

Ночь. Не мог уснуть. Встал и вновь начал читать об ужасах войны. В два часа запели птицы. Сразу многие, разноголосые. Вновь решил попытаться уснуть, но в голове вертится прошлое.

Из последней статьи Ильи Эренбурга в книге «В одной газете...»

«Недавно Франция отметила трауром годовщину уничтожения Орадур-сюр-Глин. Президент Бенеш выезжал на пепелище Лидице. Я думаю о наших Орадурах, о наших Лидице. Сколько их? Если пойти из Москвы на Запад, к Минску, или на юг, к Полтаве, или на север, к Ленинграду, увидишь повсюду развалины, пепел, могилы... И повсюду уцелевшие жители будут рассказывать о том, как качались на виселицах старики, как матери пытались спасти младенцев от палачей, как горели дома с живыми людьми...

После Первой мировой войны Западная Европа жаждала одного: забвения... Уже Дуче готовился к захвату Рима, уже показался Шлагеттер и немецкие путчисты... а люди, жаждавшие быть обманутыми... восклицали: «Войны больше не будет!» (...) В те годы на стенах Парижа можно было увидеть «человека с ножом в зубах». Русские тогда считались варварами, жаждущими уничтожить цивилизацию, а фашисты — ша-

ловливыми, но благородными юношами. Болезнь роста. (...) Нужно помнить, что путь в Освенцим лежал через Мюнхен» (16 июня 1945 года).

Читаешь такое, и жутко становится от закономерности повторения истории, которая, увы, ничему не учит.

Можно не гадать, а с уверенностью утверждать, что нас ждёт впереди.

О НАШЕЙ НЕДАВНЕЙ ИСТОРИИ, О БОРЬБЕ С НЕЗАКОННОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ И О ТОМ, КАК АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ ЧУТЬ НЕ СТАЛА РУССКИМ КУВЕИТОМ

(После просмотра документального фильма о крушении СССР)

Когда-то давно, судя по дарственной надписи 26 мая 2008 года, подарил мне В.П. Полеванов (бывший губернатор Амурской области и бывший заместитель Председателя Правительства РФ) книгу Владимира Куприенко «Два губернатора». Имя автора мне ни о чём не говорило, возможно, поэтому я её и отложил до срока.

Как-то в одну из встреч Владимир Павлович спросил, прочитал ли я книгу. Пришлось честно ответить — нет.

— Ну ничего, ещё прочитаете...

И вот в дороге читаю.

Состоит книга из двух частей: первая о жизни и делах Николая Николаевича Муравьёва-Амурского; вторая о губернаторстве и дальнейшей судьбе Владимира Павловича Полеванова, родившегося не в семье царедворца в Петербурге, а в Харькове в семье фронтовика-инвалида.

Антон Полеванов (В.П. Полеванов рассказывал, что издание полностью организовал и осуществил его сын) в кратком предисловии отмечает: «...Книга эта является естественным результатом жизни в современной России. Не биографией двух замечательных людей, но изложением их поступков и взглядов».

Первый очерк написан в хорошем краеведческо-биографическом стиле, и, похоже, что давно. Второй — более горячо и, видимо, специально для готовящегося издания. Куприенко восхищён Полевановым, и его чувства я разделяю.

Владимир Павлович человек неординарно мыслящий, талантливейший. Многие из предвиденного и задуманного им сбылось, хотя значительное время спустя и воплощённое другими людьми: космодром в Сибири, там же газоперерабатывающие заводы...

Почти всё рассказанное Куприенко я уже слышал от самого Владимира Павловича.

Вообще В.П. Полеванов — человек удивительной судьбы и истинный государственный. В январе далекого 2007 года я записал с Владимиром Павловичем большое интервью. Мне кажется, и сейчас некоторые отрывки из него будет интересно прочитать.

Валерий Сдобняков: Первый вопрос традиционный. Как мальчишке из Харькова пришло в голову стать не летчиком, не инженером, а именно геологом? Что здесь сыграло главную роль — романтика?

Владимир Полеванов: Да... и рука Бога. А еще песня Пахмутовой о геологах, которую услышал в пятом классе. Затем подоспел Высоцкий с «Мой друг уехал в Магадан». Затем пришлось выдержать пять лет борьбы с родителями, которые оказались категорически против моего жизненного выбора. Они считали, что это очень опасная профессия. Моя мама работала медсестрой в еще военном госпитале, и туда однажды попал геолог, у которого ампутировали обе ноги. Мама меня повела к нему, чтобы он как-то повлиял, разубедил несговорчивого сына. Но эффект получился прямо противоположный. Я начал еще усиленнее готовиться — стал победителем олимпиады по географии на Украине. Затем

еще много всяких олимпиад выигрывал по физике, литературе, химии, языку... Очень усилленно готовился к поступлению в ВУЗ и не зря, потому что в 1966 году, когда я поступал на геолого-географический факультет Харьковского Госуниверситета (это был университет номер два в СССР после МГУ), как раз случился двойной конкурс. Все связано с экспериментами Хрущева в среднем образовании. Если кто-то помнит, то это был момент, когда вновь отказались от одиннадцати лет обучения в средней школе, и таким образом одиннадцатые и десятые классы стали выпускными одновременно. Но я успешно поступил, сдав все экзамены. В детстве я был довольно слаб здоровьем. Поэтому за пять лет до поступления сделал его сильным. Тренировался на выживание. Отказывался и от пищи, которую приготавливала мама, а готовил себе суп сам из лапчатки, салат из лопуха, одуванчиков. Укреплялся физически — это обливания зимой холодной водой, ночевал на чердаке, отказываясь от тепла, всяких спальных мешков, а зарываясь в сено. Таким образом, у меня стало достаточно идеальным здоровье.

По окончании Университета меня оставляли в Харькове, затем посылали в Севастополь, Киев, Москву. Но я хотел в Магадан. Для этого прорвался к тогдашнему Министру геологии и потребовал от него отправить меня на Колыму. Тот с легким сердцем согласился и подписал направление. Так я оказался в тех краях, где во время войны были сплошные лагеря. И в связи с этим, кстати, образовалась мощная геологическая школа, поскольку там сосланными находились десятки сверхопытных геологов — звезд первой величины. Там родились науки — металлогиния, геохимия. Авторы этих наук оказались за колючей проволокой, правда, в очень комфортных условиях. Начальство лагерей понимало, что у них в руках жар-птицы, поэтому ученые были расконвоированными, им давали возможность работать. Ведь Колыма являлась центром добычи золота в СССР.

В.С. Вы сразу для себя определили, что будете заниматься именно золотом?

В.П. Да, сходу. Хотел заниматься целенаправленно именно золотом и только им.

В.С. Почему?

В.П. Джек Лондон, Мамин-Сибиряк... Золото, это первая любовь человечества. Любовь к золоту у человека в подсознании, которое передается от поколения к поколению на генетическом уровне. Это первый металл, который человек узнал. Самородное золото было известно в Европе, где в доисторические времена его добыто пять тысяч тонн. Из них 1600 тн в Испании, 500 тн в пределах нынешней Франции, ну, и т.д. Золото по цвету напоминает свечение солнца, из него делали первые украшения, оно было первым эталоном ценностей. Золото — один из немногих металлов, который, кстати, дал писателей мирового класса.

В.С. Сейчас в Европе золото есть?

В.П. Немного добывают во Франции, в Испании. А вообще, вся Европа сейчас в год добывает тонн восемь. Это мизер. Просто его уже выбрали в древние времена.

Теперь о периоде губернаторства В.П. Полеванова в Амурской области.

В.С. Вот вы пришли, взяли власть и ... чиновники не вставляли палки в колеса, не бастовали. Жизнь в области шла своим чередом?

В.П. Я посмотрел, как бы они побастовали. Власть или сильная, или ее совсем нет. Слабая власть — это нонсенс. Чиновник же человек предельно зависимый и, соответственно, предельно трусливый. Следующий, а по сути, первый день своего губернаторства, я посвятил тому, что выслушал доклады силовиков, а затем фактически приводил к присяге 28 глав районных администраций. 10 минут на каждого. Область большая, больше объединенной Германии... Я объяснил главам этих районов, что мое назначение, нравится им это или нет, факт состоявшийся.

В.С. Проблем в области вам в наследство досталось много?

В.П. Их было не то что много, а просто гигантское количество, немалое.

В.С. Вы как генерал-губернатор сосредоточили всю полноту власти в своих руках. Выпускали какие-то законодательные акты на местном уровне, единолично вершили судьбу региона.

В.П. Совершенно точно. Но ведь за полгода мне удалось вывести область из дотационности. Почему Ельцин к нам и приехал внепланово. Когда я к нему впервые попал на прием, то был единственным губернатором, который не попросил денег. Я попросил утвердить залоговый фонд области, под который я хотел выпустить акции на Нью-Йоркской бирже. Это у меня уже было все организовано. Штат Айдахо в США должен был выступить нашим гарантом. Я связался с тамошним губернатором. Этот штат абсолютно идентичен Амурской области. Горно-сельскохозяйственная направленность деятельности и там и у нас. Здесь золото и соя, там яблоки, свинец и цинк. Миллион жителей там и миллион жителей у нас. У нас площадь 364 тыс. кв. км, там - 380 тыс. кв. км.

В.С. Вы хотели в Америке разместить полноценный заем?

В.П. Да, ценные бумаги на 17 миллиардов долларов. Залоговый фонд утвердил Президент.

В.С. Чем же должны были обеспечиваться эти ценные бумаги?

В.П. Землей, собственностью, месторождениями золота. Закон о недрах тогда этого не запрещал. Лесным фондом. Обеспечения хватало более, чем. И плюс у меня было распоряжение, подписанное Ельциным. Эта предстоящая деятельность затем была проревизированна и проаудированна итальянской международной компанией, которая подтвердила, что наш залоговый фонд соответствует международным стандартам. Я для этого ездил в Рим.

В.С. Аналогов таких финансовых операций у нас в России ведь нет?

В.П. Да, нет до сих пор. Если бы мне в области задержаться еще на годик, то мы бы процветали. Поскольку акция Амурской области обязательно котировались бы на бирже.

В.С. Мы и без этого не знаем, куда деньги девать, получаемые от продажи нефти и газа. Это при Ельцине не было, чем выдавать пенсии, платить зарплаты бюджетникам. Тогда многие области примитивно брали за границей кредиты, которые затем прожирали, разворовывали, и ничем хорошим это для регионов не обернулось.

В.П. Нет, нам в области удалось сделать многое. Мы достроили самую большую в СССР больницу. До моего прихода ее готовность составляла всего 25 процентов. За полгода без всяких государственных ассигнований, изыскав собственные резервы, мы ее достроили. Больницу на 2000 коек оснастили лучшим медицинским оборудованием. Для этого всю валютную выручку области мы вбросили на эти закупки. У нас существует аномалия по воде, и потому в первую очередь закупили аппараты «искусственная почка», аппарат по ультразвуковому разбиванию камней в почках. Послали учиться врачей в те страны, откуда закупили оборудование. В операционных установили мощные телесистемы, и проведение операций транслировали в аудитории медицинского института. Иными словами, проходя хирургию, студенты в прямом эфире могли видеть, как эта операция проводится.

В.С. Хорошо, но это все-таки решение локальной проблемы, а были ли у вас планы масштабного преобразования области, такие, что рассчитываются на годы, а то и десятилетия вперед?

В.П. Когда я стал губернатором Амурской области, то призвал к себе историков, сам изучил и проанализировал архивные документы и пришел в общем-то к простому выводу — территории (область, регион, страна) должны развиваться в рамках Богом данных им преимуществ. Этими преимуществами могут быть либо люди, либо ресурсы, либо географическое положение, а как правило, чаще всего, все это вместе взятое. Так

вот, изучение дореволюционной истории показало, что область в значительной степени развивалась за счет флота типа река-море. Корабли из Амурской области ходили в Калифорнию, Японию, Корею. Туда возили лес, пушнину. Даже сено в Японию возили. Поэтому само по себе возникла мысль строительства нового порта в Паярково. В Москве с греческими судовладельцами танкерного флота (а они владеют восьмьюдесятью процентами судов подобного типа в мире) мы договорились о создании совместного предприятия. Причем греки в этом предприятии участвовали бы деньгами, а мы правами и всем прочим. Нужно было потратить 200 млн долларов на строительство нового терминала. В Красноярске строили подобные суда. Проект терминала разработали в Санкт-Петербурге. Иными словами за 2 года мы бы ввели в строй терминал типа река-море. За 7 дней по Амуру корабли оборачивались бы до Японии, Южной Кореи и обратно. Далее нужно было построить площадку для погрузки угля и железной руды (стенка для погрузки леса уже была), того, что у нас было в избытке. Элеватор в порту уже стоял. То есть, зерно мы также могли продавать. А в обмен получать все необходимые товары из других стран. Иными словами, при выполнении этого плана Амурская область стала бы входными воротами в Сибирь и Прибайкалье. Ведь речной транспорт еще и самый дешевый. Я уже договорился с Ельциным и о создании свободной таможенной зоны у нас в регионе, и этот указ даже был подписан Президентом в Благовещенске, когда он к нам приезжал. Поступающие таким путем товары должны были оказаться существенно дешевле, чем те, которые завозили железнодорожным транспортом... Мы должны были торговать продуктами глубокой переработки сои. Я ездил в парламент Южной Кореи. Мы должны были создать для этих целей совместные предприятия. У нас соя, как продукт питания, не прижилась. Хотя мы выращиваем ее в самых северных условиях, и потому она самая хорошая экологически. Весь мир сейчас потребляет 108 млн тонн сои, а мы всего 500 тысяч тонн выращиваем.

В.С. И ты не знаем, куда девать.

В.П. Точно, а восток и юго-восток без сои не живет. Соя там главный продукт питания. Затем золото. Я вел переговоры по переработке металла у нас с итальянцами. Переработка леса, ну, и так далее. Вся программа на будущее была четко расписана. Деньги при поддержке администрации находились, играючи. Все решалось легко с теми же греками. Далее мне удалось организовать космодром, который сейчас, к сожалению, хиреет и чахнет. Хотя я думал таким образом привязать Дальний Восток к России и убрать Байканур. У нас широта та же, и нужно производить запуски человека в космос со своей территории. Байканур надо было на тот момент улучшать, поскольку он устаревал. Так вот, разумнее было вкладывать деньги не в чужой космодром, а развивать свой. Причем на территории области была стратегическая дивизия по ракетам, запускаемым из шахт, имелись готовые шахты, 30 тысяч высококвалифицированного персонала. Космодром «Свободный» с позывными «Мечта». Это удалось утвердить. Да и вообще, масса чего было сделано, и если бы меня в скором времени не перебросили в Москву, Амурская область была бы сейчас Кувейтом.

Но есть детали в прочитанной мною книге, которые я либо забыл, либо они при нашем общении не «всплывали».

Например, много объясняющий «портрет» Анатолия Чубайса.

«Глядя в холодные, тусклые глаза Чубайса, в которых читалась жестокость палача, я не мог понять, откуда в нём, прожившем такую жизнь, на той же земле, такая нелюбовь к ней».

Это действительно загадка, которую рационально не объяснить. Тут что-то постороннее кроется, глубинное. Патологическая ненависть к русскому народу (другие в учёт и не берутся), помноженная на ещё большую патологическую ненависть к России, как государству, в целом.

Думаю, любопытно будет напомнить о том, как боролся губернатор Амурской области против незаконной миграции с китайской стороны. Эту практику можно взять в пример и теперешним соответствующим структурам в России.

«Нами была разработана операция, получившая название «Заслон». Правда, она несколько нарушала существующее федеральное законодательство, но оно в то время практически не соблюдалось. Согласно закону... можно было налагать штраф до одной тысячи рублей. Я же разрешил органам внутренних дел штрафовать нарушителей на 50 т.р. Из них 80% шли милиции, причём 50% тому наряду, который нарушителя выявил...

Затем, когда депортация незаконных мигрантов стала стоить 200 — 300 долларов (не у всех нарушителей были такие деньги, но я не собирался их депортировать за деньги областного бюджета), пришлось создавать трудовые армии. Китайцы, грузины, украинцы и другие иностранцы... трудились, чтобы заработать деньги себе на выезд... Когда прокурор опротестовывал наши действия, я издавал следующее распоряжение, повышая сумму штрафа с учётом инфляции. В результате... около 20 тысяч незаконных мигрантов депортировано, а Приамурье заработало приличную сумму денег».